

П. С. ПОТЕМКИН

Письмо к Ивану Ивановичу Шувалову¹

<отрывок>

Брест. Сентября 23 дня 1794 года

Да позволено будет оруженосцу, уклоняясь из среды грома оружия, из среды стона раненых и горести пленных, искать в недрах дружбы и человечества некое на минуту услаждение.

Муж благости и друг Муз! К вам обращался я мыслями и в беседе вашей ищу разрешения недоумению моему. — Вы, проведя многие годы в храме просвещения, в знаменитом до сего Париже науками и художествами и паче знаменитом того ныне варварством*; вы, будучи знакомы всем философам, нашего века: Вольтеру, Руссо, Рейналю² и грубому Дидероту, почерпнув не из сочинений их, но в беседах, где образ мыслей живее виден; где единое иногда слово означает человека и часто открывает самые сгибы сердечные, — вразумите меня постигнуть: как могли сии, столь знаменитые разумом люди, возбуждая народы к своевольству, не предвидеть пагубные следствия для народа? — как могли они не предугадать, что человек может быть премудр, но человеки буйны суть?³

Сняв оружие веры и благонравия, пустили хаос зла и ужаса, открыли бездну кипящей крови, которая поглощает до половины народу; мне мнится, что ложной славы блеск, ослепя

* Читатель не забудет, что это писано в самое жаркое время Французской революции.

самолюбие их, попускал стремлению замысловатых мыслей соблазнить целые народы мнимым щастием.

Один, поручаясь святой вере, легким и замысловатым слогом соблазнил слабые сердца и, может быть, многих теплой веры людей поколебал.

Другой, умствуя упрямо, проповедывал вольность и равенство нравственное, когда его и в Природе не существует; и под видом, может быть, желая ко благу человека чаял управить миллионами сердец человеческих, как управлял пылким своим пером⁴.

Третий, надутым слогом Политической Истории возбуждал войско и жителей к бунту; но, увидя плоды учения своего в гибель своему отечеству, чаял загладить то смелым словом своим пред слабыми заседателями самозванного собрания народного⁵.

Сотоварищи сих трех лицемеров: *Даламберт* и грубый *Дидерот*⁶, повторяли, как будто эхо, те ж учения, и Франция, напившись смыслом учений сих самоназвавшихся Философов, страхнула с себя все узы веры, нравов и Природы.

Для чего сии учителя не остались свидетелями позорища страшного, которое они приутожили? для чего не раздираются их сердца угрызением и раскаянием?

Провидение, устрояющее все, что есть в мире сем, для чего избавило их сего мучения, взяв жизнь их до сего страшного времени? — но прах их не цветами должен быть покрыт, но потоптан ногами и покрыт всемирным проклятием!..

Последователи их учения, обаяющие слепые умы народные мнимою вольностию, умножаются — *Дантон*, *Робеспьер*, орудие и жертва зверских намерений, от своих казнены⁷, но зло и яд зла существуют. Он пролился в сей стране, где обращено праведное оружие Великия ЕКАТЕРИНЫ, в наказание вероломства, Варшавским заговором, противу войск Ея соделанным.⁸

<...

